

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.4

Образы современности в XXI веке: космодернизм

Н. Б. АФАНАСОВ, А. В. ПАВЛОВ

Институт философии РАН

В статье рассматривается одна из последних попыток «переписывания» постмодернизма, предпринятая американским философом Кристианом Морару, известная под названием «космодернизм». Воссоздан ход дискуссии о необходимости построения нового философского проекта взамен постмодернизму Фредрика Джеймисона, на которую опирался в своей философской работе Морару. Статья предлагает историко-философскую реконструкцию становления теории космодернизма в ее связи со спорами вокруг пост-постмодернизмов начала XXI в. Также текст вносит ясность в вопрос соотношения концепций космодернизма и планетаризма, являющихся историческими наименованиями одного проекта.

Критическое рассмотрение концепции космодернизма/планетаризма описывает методологию работы Морару, состоящую в анализе литературных произведений с середины XIX в. до наших дней. Именно они демонстрируют, по мнению философа, наиболее репрезентативные черты современности. В рамках анализа теории и ее сопоставления с конкурирующими социально-философскими проектами (диджимодернизм и метамодернизм) выделяются наиболее интересные для актуальной социальной философии стороны космодернизма: указание на размывание субъект-объектных границ в современности, анализ феномена нетовизации пространств и объектов, переосмысление характера завершающейся глобализации, перспективы омирщвления дискретного мира до культурного концепта планеты. Слабой стороной философской работы Морару является концентрация исключительно на авангардной литературе, что ограничивает автора в возможности работы с эмпирическим материалом современности и ослабляет позиции его теории в сравнении с другими проектами.

Ключевые слова: космодернизм; планетаризм; Кристиан Морару; постмодернизм; пост-постмодернизм; социальная философия; философия культуры

ВВЕДЕНИЕ

На настоящий момент в рамках дискурса постпостмодернизма последним автором, связавшим свои проекты с темой преодоления постмодерна и решившим предложить альтернативный постмодернизму язык описания «нашего времени», стал Кристиан Морару, преподаватель литературы в университете Северной Каролины, Гринборо. В фокусе его научных интересов — современная американская литература, нарратив, теория культуры, сравнительные исследования истории идей, а также развивающиеся отношения между культурой, этикой и воображением в глобализирующемся мире. Прежде чем предложить миру свою концепцию, автор проделал определенный творческий путь. Начинал он с вполне конвенциональных исследований постмодернизма в англоязычной литературе, когда тема была еще «живой» и актуальной (Moraru, 2001, 2005). Позже, вдохновившись, видимо, предшествующими амбициозными теориями типа перформатизма, диджимодернизма и метамодернизма, Морару сформулировал свою концепцию, сохранив при этом хорошо отработанную эмпирическую базу новейшей литературы. Таким образом, в 2011 г. он всего лишь переопределил или, можно сказать, концептуализировал то, что уже давно освоил.

Термином, которым Морару предложил описывать нынешнюю эпоху, сперва стал причудливый неологизм «космодернизм», образованный от слов «космос» и «модернизм», а новый вид современности, соответственно, можно было бы перевести как

«космовременность» (cosmodernity) (Moraru, 2011). То, что он обратился именно к этому слову с греческим корнем, неслучайно. Выбор термина влечет за собой несколько теоретических следствий. Для Морару важно выстроить смысловой ряд между греческим миром обитаемой ойкумены как нормативным прообразом современности в противоположность поверхностной синонимичности глобализации, омирщвления и отчуждения. «Космос» как часть философского проекта Морару не должен вводить читателя в заблуждение ложными «астрофизическими» коннотациями, но символизирует процесс упорядочивания и украшения мира, присущих древнегреческому глаголу κοσμεῖω (Moraru, 2015b: 55, 81). Несмотря на то что автор впоследствии сделал акцент на другом термине («планетаризм»), суть его концепции не изменилась. Цель настоящей статьи — адекватно описать эту концепцию, критически ее проанализировать и в итоге ответить на вопрос: может ли космодернизм в качестве языка описания актуальной культуры выступать альтернативой постмодернизму.

ИСТОРИЯ ТЕРМИНА

Спустя несколько лет после выхода книги про космовременность Морару переопределил свою концепцию, но под шапкой другого термина — «планетаризм» (Moraru, 2015b). Между двумя этими «событиями» Морару аккумулировал силы других постпостмодернистов, участвовавших в его проектах, — сперва в специальном выпуске литературного журнала «Американское книжное обозрение», в котором разные авторы в очередной раз пытались преодолеть постмодернизм (Moraru, 2013; Akker, 2013; Eshelman, 2013; Kirby, 2013; Gibbons, 2013; Vermeulen, 2013; Elias, 2013), а затем — в сборнике «Планетарный поворот» (Elias, Moraru, 2015b). В первом случае среди участников были диджимодернист Алан Кирби, перформатист Рауль Эшельман, метамодернисты Тимотеус Вермюлен, Робин ван ден Аккер, впоследствии перешедшая в их стан из лагеря альтермодернизма Элисон Гиббонс и будущий соредактор Морару Эми Джей Элиас, а во втором — снова приняли участие Эшельман, Кирби и Элиас (Eshelman, 2015; Kirby, 2015; Elias, 2015). Одним словом, Морару выбрал стратегию объединения разных участников постпостмодернистского движения, а вариантом постпостмодернизма, на котором он в итоге остановился, оказался «планетаризм».

Сказать наверняка, по какой именно причине Морару «переопределил» свой подход, сложно. Тем не менее он расширил концептуальные рамки теории. Есть соблазн предположить, что сделал он это после выхода книги Басараба Николеску «От современности к космовременности. Наука, культура и духовность» (Nicolescu, 2014). Дело в том, что про новый вид современности впервые начал рассуждать именно Николеску — президент Международного центра междисциплинарных исследований и почетный научный сотрудник Национального центра научных исследований в Париже, Франция, и профессор Университета Бабеш-Боляй в Румынии. Он попытался закрепить новое понятие в дискурсе как гуманитарных, так и, что важно, иных наук, даже естественных. Морару, разумеется, ссылаясь на предшествующие ему выступления Николеску, написал монографию о космодернизме раньше.

В «Космодернизме» Морару писал, что Николеску предложил мыслить космовременность не как традиционную современность, характеризующуюся бинарным разделением на субъект и объект (постмодернизм в понимании Николеску был тем же самым с той лишь разницей, что объект в этом историческом состоянии становился

размытым и менее важным, чем субъект) (там же: 204), но как снятие традиционной бинарной схемы, предполагающей полное уничтожение «другого» (Moraru, 2011: 20). Эти интуиции Николеску впоследствии изложил в своей книге. К слову, сам Николеску походя признал, что мы все еще живем в эпоху постмодерна: «В мире модерна Субъект и Объект должны были быть совершенно отделенными друг от друга, а в *нашу постмодернистскую эпоху* Субъект по отношению к Объекту стал доминирующим» (Nicolescu, 2014: 202; курсив наш. — Н. А., А. П.). Используя термин «космодернизм» и излагая все эти идеи в разных статьях и лекциях, Николеску выпустил полноценный текст лишь в 2014 г., т. е. на три года позже Морару. В книге, однако, Николеску, если смотреть на нее с точки зрения обычного философа культуры и тем более социального теоретика, выглядит немного странно, так как его размышления похожи на то, что уже давно перестало быть актуальным, — на космизм в широком понимании этого слова.

Так, Николеску продолжает критиковать прогресс, идея которого основана на модели классической науки. Между тем, как известно, сегодня очень сложно найти тех мыслителей, кто все еще верит в прогресс именно в таком — модернистском/просвещенческом — виде. С точки зрения Николеску, подобная вера не приводит ни к чему хорошему, и потому нам следует от нее отказаться и приближать новую эпоху космодерности. Последняя же предполагает уникальный синтез науки, культуры, религии и общества. В итоге в новом «космосе» все люди, независимо от их религиозных или философских убеждений, станут активными участниками общей культуры. Обращаясь к квантовой физике, литературе и искусству, Николеску приходит к формулированию «новой духовности», свободной от всяких догм, которую и определяет как «сознание космодерна».

Поскольку Морару первым написал монографию, в заглавии которой лег термин «космодернизм», Николеску показывает, что осведомлен о предшествующих попытках использовать понятие, заявляя, что именно его «...книга предлагает научные и философские основы космодерности». При этом добавляет: «Аргументы, обнаруженные в современной американской литературе и изложенные в работе “Космодернизм” Кристиана Морару, превосходны и являются необходимым к ней дополнением» (Nicolescu, 2014: 212; курсив наш. — Н. А., А. П.). То есть Николеску буквально упразднил теорию Морару, снизив ее статус до «прибавочной». Далее Николеску делает очень краткий экскурс в теорию Морару, без каких-либо пояснений. Он рассказывает, что космодернистское сознание — это путь к новой солидарности, преодолевающей политические, этнические, расовые, религиозные и другие границы. Этическим императивом космодернизма является единство. Весь мир, т. е. наш мир, — «сеть идей и образов», людей, культур, религий и духовностей (Nicolescu, 2014: 213). Можно сказать, что Николеску просто излагает теоретический инструментарий Морару, нежели объясняет, что именно тот хотел сказать. Это, между прочим, лучшая иллюстрация для (не)понимания космодернизма — на самом деле максимально оторванной от социальной реальности и культуры в целом концепции. Сам Морару предложил прекрасное слово, чтобы описать этот концепт, — «воображение», из которого следуют дополнительные коннотации типа «выдумки» или «фантазии».

Иными словами, с 2014 г. термин «космодернизм» некоторым образом стал пониматься по-другому, а авторский копирайт перешел к владельцу. Видимо, поэтому Морару, сделавший ставку на «новый модернизм», предложил очередной подход к уже отработанному материалу. С одной стороны, он описал свой метод как «геометодо-

логия», с другой — заговорил о новом содержательном понятии, которым теперь стал «планетаризм». Можно быть уверенным, что концептуально космодернизм и планетаризм суть одно и то же. Сам Морару в поздних работах использует термин «космодернизм», чтобы показать его преемственность по отношению к понятию «планетаризм». Так, Морару отмечает, что в своей книге о космодернизме он изложил то, каким образом современность выводит нас за пределы постмодерна, поскольку она «сплетает настоящее и присутствующее в нем в хронотопически новую ткань» (Moraru, 2015a: 218): «...западная космодернизация постмодерна репрезентирует мир-фрактальный феномен, является неотъемлемой частью развития или поворотом к планетарным пропорциям. Этот поворот направлен к планетаризации мировых мест» (там же: 219).

ВМЕСТО ПОСТМОДЕРНИЗМА

На всякий случай отметим здесь, что Морару намеренно усложняет язык, изобретая новые термины (типа *togetherness*) (Moraru, 2011: 1–13), которые хотя и должны лучше иллюстрировать его концепцию, в действительности и без того «утяжеляют» стиль автора. Очевидно, это сознательная стратегия, и ее целью, к сожалению, является скрыть односторонность эмпирического содержания. Однако есть и рациональное объяснение того, зачем Морару делает свои тексты менее приятными для читателя. Его философский аппарат, вынужденно заимствующий многие термины и понятия из конкурирующих проектов осмысления постсовременности, тем не менее должен отстаивать свое право на самостоятельность в лингвистическом отношении. Философская трудность здесь состоит одновременно и в претензии на оригинальность, и в совмещении, похожем на включение в более общую рамку уже разработанного теоретического аппарата. Изобретение новых понятий и длинные ряды синонимов служат иллюстрацией замысла автора вписать его проект в орбиту смыслов философии культуры и подчеркивают комплексную, многообразную природу описываемых им феноменов.

Ирония заключается в том, что и с понятием «планетаризм» остается та же самая проблема, что и с «космодернизмом». Так, литературовед Брайн Макхейл, очевидно симпатизирующий Морару, в своей книге 2015 г., т. е. ровно тогда же, когда Морару совершил «поворот к планетаризму», вкратце излагает концепцию космодернизма (McHale, 2015). Описав ее суть, Макхейл отдельно оговаривает, что космодернизм является одним из аспектов мировой культуры после 1989 г., в то время как «планетаризм» — явление совсем другого порядка. Отражая то, что наше совместное существование как людей в ограниченном и уязвимом мире дополняет возникающее «чувство планеты», «планетаризм» в некоторой степени служит альтернативой неолиберальной экономической глобализации. Ссылаясь в данном случае Макхейл не на Морару, но на Гаятри Чакраворти Спивак (Spivak, 2003: 71–102; McHale, 2015: 153). Далее Макхейл описывает планетаризм совсем не в том виде, как его понимает Морару. Так, планетарная перспектива в потенциале была доступна в течение нескольких десятилетий, по крайней мере с начала 1970-х годов, когда широко распространены фотографии «голубой планеты», сделанные из космоса, стали символом «планетарной конечности» и «глобальной солидарности». Однако поляризация времен холодной войны, сопровождавшаяся осознанием повышения острых экологических угроз — риска ядерной аварии, истощения ископаемых видов топлива, повреждения озонового слоя и перспективы глобального изменения климата, —

сделала перспективу планетаризма еще более актуальной, чем когда-либо в 1990-х (McHale, 2015: 153).

Для сравнения: вот как репрезентируют «планетаризм» в понимании Морару редакторы сборника «Планетарный поворот», одним из которых является сам Морару: «Морару обратил внимание, что историческое интермеццо “космодернизма” после 1989 года внутри и за пределами Соединенных Штатов главным образом в *воображении* преобразовывает способ изображения мира. Как неоднократно отмечают авторы “Планетарного поворота”, планетарное воображение, в настоящее время проникающее через искусство, демонстрирует пристрастие к определенным темам, в частности к архетематическому “миру”, особенно к связке метатем, развертываемых с характерно возрастающей частотой вокруг квазивездесущего мирового субъекта и его мирских субкатегорий» (Eliás, Moraru, 2015: xxv; курсив источника. — Н. А., А. П.). Ниже мы увидим, что планетаризм Морару — что-то совершенно иное, нежели то, о чем пишет Макхейл. Главный промежуточный вывод, который мы должны сделать здесь, чтобы перейти к последующему изложению, состоит в том, что космодернизм и планетаризм суть одна и та же концепция, построенная к тому же на едином эмпирическом материале — литературе.

В данном случае необходимо сделать важную ремарку о литературе. Во-первых, Морару ограничивается литературой и не отваживается привлекать для доказательств физику или иные дисциплины. Во-вторых, суть космодернизма ему открылась благодаря самой литературе. Так как автор посвятил изучению «постмодернистской литературы» много времени и сил, очевидно, ему нужно было избавиться от давления собственного теоретического наследия. В 2001 г., когда вышла первая книга Морару, а дискурс постпостмодернизма еще не укрепился, заниматься постмодернизмом в литературе для академии было легитимно. Однако в 2009 г. Морару, понимая, что не только тема устаревает, но и нельзя заниматься исключительно литературой, переходит на новый уровень обобщений и пытается помыслить постмодернизм как современный аналог посткоммунизма, пробуя определить их непростые отношения. Теперь Морару был куда больше заинтересован в репрезентации, интертекстуальности и неамериканском постмодернизме, а главное — в глобализации и политике (Moraru, 2009). Наконец, в 2011 г. Морару предлагает позитивное решение «смерти постмодернизма» и теперь во многих отношениях выстраивает свою концепцию как своеобразную критику постмодерна, однако не только его, но также и терминологических/семантических «соседей» космодернизма — «модерна» и «космополитизма» (Moraru, 2011: 7).

В «Космодернизме» Морару заявляет о необходимости пересмотреть традиционную последовательность модерн/постмодерн как новый «нарратив модерн/космодерн», с двумя главными поворотными моментами в истории культуры — Первой мировой войной и концом 1980-х годов, а не в 1960-х, как думают многие аналитики и ученые (Липовецки, 2001: 157). То есть речь идет о том, что хронологическая рамка современности в значении эпохи (modernity) должна была быть расширена, и, следовательно, необходимо было найти общий для нее знаменатель. Таким знаменателем, разумеется, и является литература, ставшая глобальным феноменом с середины XIX в., с распространением большого буржуазного романа.

В сложной хронологии современности Морару выделяет общую рамку: от середины XIX в. до начала XXI в. Все процессы, происходившие на этом историческом промежутке, характеризуются главным трендом, незаметно набиравшим силу до 1989 г.

и обнажившим себя после падения Берлинской стены, — глобализацией. Морару не отрицает значение трансформаций капитализма, технического развития и социально-экономическую детерминацию культурных процессов, полагая их важными чертами современности, однако философское их осмысление уводит от самой сути явления современности, завершившейся в (пост)современности космодернизма. Заметим, что процесс глобализации ускоряется после окончания Второй мировой войны — в период, удачно описанный Фредриком Джеймисоном как постмодернизм (Джеймисон, 2019). Однако же «постмодернизм» должен был завершиться в результате качественно меняющейся глобализации, достигшей апогея с падением Восточного блока. Правда, однако, в том, что сам философ в основных пунктах своей концепции, таких как трансформация капитализма, увеличение роли культуры и упразднение природы как «другого», скорее соглашается с Фредриком Джеймисоном, чем его оспаривает. Так, Морару изредка упоминает Джеймисона, чтобы осторожно упразднить его слишком влиятельную концепцию: «...хотя, как утверждал Фредрик Джеймисон и другие исследователи, “поздний модернизм был продуктом Холодной войны”, период с 1950-х по 1980-е годы засвидетельствовал» в текстах некоторых пророков «намеки», «ожидания» и «предчувствия» планетаризма (Moraru, 2015b: 22). Очевидно, что тексты Джеймисона даже сегодня являются буквально помехой для теоретизаций Морару. Но не потому, что философия постмодерна Джеймисона слишком влиятельная, а потому — что она богаче как эмпирически, так и теоретически.

Итак, К. Морару считает, что падение Берлинской стены было в высшей степени системным, трансформирующим мир событием (Moraru, 2015b: 36). Он, как мы уже говорили, предлагает назвать диалогическую, интерактивную, гиперсетевую фазу глобальной культуры, которая, по его словам, возникла в период после 1989 г., космодернизмом. Другими словами, космодернизм в понимании Морару — это что-то вроде «культурной логики поздней глобализации» (Moraru, 2011: 39; McHale, 2015: 123) в том случае, если мы понимаем глобализацию не как эвфемизм глобального триумфа неолиберальной экономики. Поздняя глобализация космодернизма — это не американизация, но скорее все формы диалога и взаимодействия между культурами, которые теперь делает возможным наше гиперсетевое состояние. Другие авторы, участвующие в дискурсе постпостмодернизма, например Джефффри Нилон, описывая глобализацию, попадают в эту ловушку — отождествляют ее с американизацией (Nealon, 2012).

Для Морару как модернизм, так и постмодернизм остаются историческими явлениями, а если выразиться более точно, то — историческим (т. е. ушедшим в прошлое) способом описания культурной и социально-экономической реальности после Второй мировой войны и вплоть до 1989 г. Модернизм сам не понял, что именно он делает, поскольку сконцентрировался на техническом, инструментальном преобразовании мира путем его унификации. Постмодернизм, став качественно новым продолжением модернизма, не добавил ничего к пониманию начавшихся процессов. Морару исходит из предпосылки, артикулированной в эпилоге «Космодернизма», согласно которой объяснительная сила постмодернизма для описания современности теперь недостаточна. Морару утверждает, что космодернизм куда лучше, чем постмодернизм, способен справиться с кризисом глобализации. Тому есть несколько причин, связанных главным образом с тем, что постмодернизм по своему происхождению «остается в значительной степени западной, особенно американской, культурной моделью» (Moraru, 2011: 307). Однако именно постмодернизм заложил осно-

ву для еще одного незавершенного (добавим: только что начатого в воображении Морару) проекта — космодернизма, начальную стадию которого мы сегодня якобы наблюдаем.

КОСМОДЕРНИЗМ ПРОТИВ КОСМОПОЛИТИЗМА

Космодернизм кросскультурно и транснационально расширяет межнациональную и внутрикультурную модель репрезентации постмодернизма. Космодернизм отличается от постмодернизма тем, что он помимо тематических и формальных приемов исследует проблему «другого», т. е. обращается к этике (Moraru, 2011: 313). Таким образом, модернизм и постмодернизм постфактум включаются Морару в проект предлагаемого им космодернизма как его частные случаи. Но только космодернизм, улавливая суть и общее для всех людей в современности, сможет дать философское осмысление происходящего. Все эти изменения в мире Кристиан Морару предлагает проследить на материале художественной литературы. Именно литература первой стала глобальным феноменом, получив мировой культурный статус: примером в данном случае служат романы Бальзака. Кроме того, сама по себе литература остается актуальной, потому что ее влияние определяется не только временем. Романы XIX в. также важны для людей XXI в., равно как и нынешней культуры в целом. Люди в разных странах теперь живут в едином мире, но пока что не осознали этого.

Это философское осмысление — отнюдь не простое описание сложившегося положения дел, но что-то более сложное. Можно сказать, что космодернизм/планетаризм представляет собой перформативную философию, осознание сути которой должно, по мнению Морару, повлечь за собой изменения в культуре. Эти перемены, в свою очередь, станут локомотивом преобразований во всех остальных сферах. Прогноз мировых трансформаций путем философской интерпретации социального имеет своей основой анализ литературного содержания. Отталкиваясь от феномена влияния литературы на умы, носящего универсальный характер, Морару делает вывод о том, что этическое имманентно культуре и глобализации вообще, а значит, мир будет трансформироваться в сторону макрокосма, совпадающего с человеком, понятием как микрокосм. Это и задача, и реальность, что можно было бы проследить на некоторых феноменах современности, которые описывает Морару. Учитывая литературоцентричность его концепции, язык становится главным предметом осмысления реальности. Так, Морару обращает внимание на то, что происходит интернационализация национальных языков, под которой он понимает их диффузию при сохранении своего ядра, т. е. место лингвистического глобализма займет мультилингвизм. Несмотря на то что и другие интуиции Морару выглядят спорными, данный тезис является одним из наиболее дискуссионных в философии культуры космодернизма, поскольку игнорирует тенденцию глобального доминирования английского языка.

Другой феномен, указывающий на скорое изменение представлений о мире, а вместе с тем и изменение самого мира, — это ощущение индивида в окружении уже не чуждой ему реальности. Мир, становясь феноменом культуры, имеющей универсальный характер, перестает выступать как угроза человеку. А сама культура, релевантная для каждого субъекта, упраздняет границы между людьми, т. е. между «нами», делая человечество единым. Человек начинает чувствовать себя дома повсюду в мире, поскольку получает для этого определенный инструментарий: язык, общую культуру и возможность свободного скольжения по планете. Новая степень свободы, доступная человеку XXI в., как раз связана с исторической периодизацией, представленной

выше. Падение Берлинской стены означает не только политический конец Восточного блока, но и демонстрирует силу культуры. При этом все политические препятствия для единения людей упраздняются, и человек получает ощущение свободы. Смысл последней заключается в том, что этического потенциала культуры вкупе с ее универсальностью будет достаточно для падения закрытых политических режимов, выступающих антагонистами процессов поздней глобализации.

Самое время вспомнить здесь еще один термин, от которого пытается отстраниться Морару, — космополитизм. Очевидно, что все изложенное наводит на мысль, что именно эта этическая доктрина скрывается за термином «космодернизм», обнажая банальность последнего. По иронии Брайан Макхейл хотя и указывает на различие между словами, но интерпретирует эту позицию как «космополитизм» — ту сцепку, которой сам Морару так отчаянно пытается избежать. Макхейл комментирует, что для Морару «выход из тупика Холодной войны между сверхдержавами сделал возможным новый вид космополитизма в культурной сфере, который он предлагает назвать космодернизмом. Космодернизм подразумевает многостороннюю, а не одностороннюю глобализацию — ситуацию, в которой культуры регионов мира обмениваются текстами и идеями (или “мемами”) между собой вне структуры центра/периферии старого имперского колониализма или западноцентристского культурного неоколониализма» (McHale, 2015: 123–124).

Вместе с тем у Морару есть что ответить на такое замечание. Он обращается к текстам американского философа и писателя ганского происхождения Кваме Энтони Аппиа, который переключился с идеологии постколониализма на космополитизм. К слову, его идейная эволюция сама по себе свидетельствует об имплицитных политических сдвигах в философии культуры, когда одна модная идеологема постепенно сменяется другой. Итак, Аппиа предложил новое «прочтение космополитизма», альтернативное модернистскому — гуманистическому и универсалистскому. Аппиа считает, что космополитизм не должен представлять собой диалог статичных, закрытых культур, каждая из которых внутренне гомогенна и отличается от любой другой. Аппиа заявляет: «Если мы собираемся исследовать культуру, позвольте нам, по крайней мере, делать это без культур» (Appiah, 2001: 222–223). Морару же отмечает, что Аппиа не отмечает «старый гуманизм», суть которого состоит в том, чтобы для понимания друг друга «разделить» нечто общее. Вопрос только в том, что именно мы должны «разделить». Это не «человеческая природа», «разум» и иные «универсалии», но именно частные «особенности» (Moraru, 2011: 210). Морару отвергает эту позицию, полагая, что космополитизм Аппиа — это все еще «универсализм», но теперь к нему прибавляются «различия». В конце концов, заключает Морару, в таком «диалогическом универсализме» куда больше универсализма, чем диалога. Далее Морару пускается в туманные игры со словами и терминами, пытаясь «перепрочитать» некоторых писателей, и, что важно, не делает никаких выводов из написанного. Иными словами, там, где требуется критика, он говорит ясно; там, где возникает необходимость предоставить собственную позицию, он прячет ее в дебрях теории, цитат и бесконечных ссылок. Однако вывод из космодернистской альтернативы космополитизму содержится уже в названии подглавы: «прочтение космополитизма» предполагает исследование культуры без культур, в то время как «прочтение космодернизма» предполагает исследование культуры с культурами (Moraru, 2011: 213–219).

Эту мысль Морару Брайан Макхейл формулирует куда лучше и проще. Макхейл пишет, что в каком-то смысле распространение постмодернизма по всему миру

стало следствием глобального триумфа неолиберального экономического порядка после распада советского блока в 1989–1990-х годах. В этом свете постмодернизм — культурный аналог неолиберализма, как сформулировал это экономист Дэвид Харви (Харви, 2007). Тем не менее существуют и другие подходы, объясняющие расширение глобальных масштабов постмодернизма в 1990-е годы, которые не детерминированы экономически. Если распад Советского Союза подтвердил успех неолиберализма, это также способствовало появлению нового вида транснационализма, который больше не основывался на делении планеты на три «мира» — первый («свободный»), второй (коммунистический) и третий (развивающийся), — напряженно противостоящих друг другу в непреодолимой пропасти культурных различий. Макхейл заключает: то, что обещал «космодернистский поворот» после 1989 г., «было не космополитизмом в прежнем, устаревшем смысле, подразумевающим западные привилегии и путешествия в свободное время, не глобализацией в смысле всеобщей американизации, но скорее потенциалом для подлинных диалогов среди культур» (McHale, 2015: 152).

Возможно, содержание космодернизма/планетаризма поможет понять лучше еще одна его важная характеристика — нетовизация, в первую очередь связанная с Интернетом. Однако Интернет, с точки зрения Морару, является лишь метафорой «настоящей нетовизации», ее техническим обеспечением. Ее суть в том, что в современной культуре в целом и в каждом индивидуальном сознании отдельно содержится возможность включения во всеобщее. Именно это является главным намеком на то, что мир изменился и только космодернизм может его описать. Для каждого человека реальность перестает быть чужой, но становится уже его, потому что он может включить ее не только в свое культурное поле, но и в мир вообще. Она всегда доступна. Эта «доступность» реальности для нетовизации становится ключевой чертой планетарной космодернизации, вытекающей из завершившейся культурной и политической глобализации.

Следует отметить, что философ говорит и о том, как завершится поздняя глобализация. Мир, омирщваясь, станет планетой. Характеристики его при этом изменятся. Он утратит независимость и в своей виртуальности приобретет универсальность и всеобщность. Мир, по аналогии с идеями постмодернизма, ждет то же, что ждало природу, — он перестанет быть иным, станет универсальной культурой, трансформировав свои пространства в пространства культуры, доступные каждому. Мир станет бесконечно уязвимым, становясь планетой, но этический пафос культуры упразднит эти угрозы. Правда, Морару замечает: «Таким образом, чтение вместе с планетой открывает себя как чтение ради планеты, призыв критики от имени земли. К тому же критика станет формой планетарного управления» (Moraru, 2015b: 181). Заметим, что для литературоведа это звучит довольно амбициозно. По большому счету, философский проект Морару, находясь между социально-философским и культурфилософским осмыслением современности, предлагает лишь методологию понимания отличия постсовременности от современности и призывает к, заметим, неизбежно этическому переосмыслению мира. Желаящие обнаружить в концепции анализ конкретных феноменов, ставших спутниками нашей жизни, встретят лишь разочарование, поскольку эту работу Кристиан Морару оставляет им самим, надеясь, что она будет выполнена с оглядкой на его идеи. В целом же концепция Морару крайне уязвима для критики по очень многим основаниям.

КРИТИКА КОСМОДЕРНИЗМА

Во-первых, она культуроцентрична. Это означает, что акцент философа на планетаризм, подразумевающий природу (а вместе с ней проблемы экологии), не просто выпадает из ключевой для современной философской мысли тематики, но и невольно противостоит ей. Так, новые материализмы и постгуманизм предлагают пересмотреть традиционные отношения природы и культуры, в которых бы роль культуры не упраздняла природные факторы. Если бы Морару остановился на термине «космодернизм», его концепция была бы более цельной. Однако практически конвенциональный термин «эпоха антропоцена» (Урри, 2018: 239, 251) мгновенно упраздняет планетаризм Морару постольку, поскольку в нем по-прежнему доминирует культура. Мы помним, что Фредрик Джеймисон одним из первых заметил, что культура стала «второй природой» человека, и в этом смысле Морару не выходит за пределы постмодернистского дискурса. Одним словом, его отчаянное желание преодолеть постмодерн помещает его лишь в самый конец длинной очереди различных концепций постпостмодернизма, в рамках которых постгуманизм, основанный на «новых материализмах», учитывая природу, значительно выигрывает. К слову, такой чувствительный к изменениям в социальной теории и современной философии социолог, как Бруно Латур, это осознал и двинулся к постижению «политики природы» (Латур, 2018).

Далее и во-вторых, концепция Морару становится шаткой, если помещать ее в более широкий контекст социальной теории. На самом деле из культурцентричного проекта Морару полностью выпадает «социальность». Он прекрасно расправляется с космополитизмом, но понимаемым довольно узко. Вместе с тем космополитизм также предполагает долгую дискуссию об альтернативах. Если все человечество вскоре сольется в единое «мы», объединившись в «идеологии» планетаризма, то как в таком случае быть с сохраняющимися тенденциями, например, к национализму? Это правда, что, вероятно, многие бы критики патриотизма поддержали даже такой экзотический продукт, как космодернизм, но как быть с теми, кто все еще считает патриотизм актуальной формой национального сознания и предлагает различные варианты позитивного патриотизма — умеренного, республиканского или конституционного (Павлов, 2018)? В отличие от Морару представители метамодернизма осознали уязвимость концепции, не предполагающей социального измерения, и обратились к социальной и экономической составляющей «новой эпохи» — в строгом соответствии с теоретической моделью Фредрика Джеймисона. Между прочим, метамодернисты упоминают и проблемы «эпохи антропоцена», и рост популизма, и экономические факторы, влияющие на культуру (Akker, Vermeulen, 2017: 12, 14–17).

В-третьих, в своей сути космодернизм/планетаризм является не столько культур-, сколько литературоцентричной концепцией, что также накладывает свои ограничения на теорию. Это правда, что литература в течение долгого времени канонически определяла основы западной цивилизации. Но, не говоря даже о том, что кроме художественной литературы всегда существовала философия, в которой отражаются социальные и культурные перемены, мы можем припомнить, что на сознание людей оказывают колоссальное влияние иные формы культурной продукции, отождествляемые с эпохой постмодерна, — телевидение, кинематограф, а в последнее время и Интернет. Мы видели, что последний упрек Морару пытается предвидеть, но это совсем не означает, что его объяснение является сколько-нибудь убедительным. Но даже если мы согласимся, что литература все еще оказывает влияние на мировоззрение человечества, то и здесь возникают проблемы.

Так, в-четвертых, Морару обращается к творчеству Элис Рэндалл, переписавшей роман «Унесенные ветром» с точки зрения темнокожей героини — типично постмодернистский литературный прием в стиле британского драматурга Тома Стоппарда. Морару сосредоточивает свое внимание на романе Рэндалл «Пушкин и Пиковая дама» (Randall, 2004), представляющий собой преимущественно монолог афроамериканки Виндзор Армстронг. Армстронг в подростковом возрасте узнала, что «русский Шекспир» был черным, что перевернуло ее представления о мире. Героиня пытается определить свою идентичность посредством изучения русской литературы, а своего сына, родившегося после случайной связи, называет, разумеется, Пушкин и т. д. (Бутенина, 2015). В книге очень много референций на творчество Пушкина и на русскую литературную классику в целом, но все это, как свидетельствует сам Морару (Moraru, 2011: 242), относится к жанровой квинтэссенции литературы постмодерна — метапрозе (Hutcheon, 1988: 105–123). Морару же просто «переописывает» (хотя, по большому счету, лишь пересказывает) роман, что должно убедить читателя в том, что книга якобы иллюстрирует мировоззрение космодернизма. Однако если Рэндалл «переписывает» историю русской литературы, то Морару «переписывает» современную экспериментальную литературу как таковую, в то время как переписывание (rewriting) — это именно что постмодернистская практика. Именно этому была посвящена первая книга Морару — постмодернистскому переписыванию нарративов предшествующих столетий, т. е. способам, которыми писатели конца XX в. переделывают старые тексты в идеологических целях социальной критики.

Брайан Макхейл замечает: «Переписывание также можно рассматривать как литературную процедуру, которая имеет долгую историю, но которая предполагает в постмодернизме особую роль» (McHale, 2015: 44). Такой подход, сколько бы «космодернистским» он ни был, в сопоставлении с более традиционным литературоведением определенно оказывается уязвим. Так, литературовед Гарольд Блум еще в начале 1990-х годов заговорил о необходимости сохранения и следования «западному канону», а литературу условной «эпохи постмодерна» типа творчества Томаса Пинчона он, не используя термин «постмодернизм», называет «хаотической эпохой» (Блум, 2017). Или итальянский литературовед Франко Моретти, скажем, на основании больших данных, попытался определить, почему подъем романа в XVIII столетии произошел в Европе, а не в Китае (Моретти, 2016: 222–247). Моретти объясняет разницу в китайском и европейском романах, но причины популярности последнего объясняет социальными, экономическими и историческими причинами. Иными словами, чтобы говорить о поздней глобализации, необходимо иметь в виду и социально-экономические причины, т. е. учитывать их, а не декларировать об их осведомленности.

Литературоведы очень редко могут преодолеть ограничения, накладываемые на их рассуждения научной дисциплиной, из которой они вышли. Фредрик Джеймсон в данном случае является знаковым исключением. Социальный философ Николай Афанасов в своей рецензии на «Планетаризм», не желая критиковать Морару, все же отмечает слабые стороны его концепции и очень точно определяет то, что автор работает с авангардом литературы (Афанасов, 2019). Это не просто тот сегмент литературного творчества, который читает ограниченный круг людей, насколько бы просвещенными они ни были, ведь есть и другие примеры литературы, которые скорее подтверждают актуальность постмодернизма, нежели его исчезновение. Речь идет не о, скажем, Томасе Пинчоне, но о таких авторах, как Стивен

Кинг. Кинг — не просто популярный писатель, произведения которого регулярно экранизируются и тем самым становятся еще более доступными, но он также и очень американский писатель, в работах которого отражены проблемы США. Таким образом, посредством чтения Кинга мир, если он и глобализируется культурно, то это будет все еще процесс американской глобализации и, к сожалению или счастью, никакой иной.

Более того, даже те авторы, которые отнеслись к концепции Морару предельно серьезно, и они не могут удержаться от критических замечаний. Так, культуролог Дамьяна Мраович-О'Хара, в целом отмечая, что космодернизм впечатляет своей глубиной и размахом, предлагая фундамент для понимания нашей современности, которая, кажется, смущает нас своей сложностью, а также наследием постмодернизма, который, как многие согласны, мертв, адресуя Морару несколько вопросов. Например, если в период после падения коммунизма мы наконец-то сможем сформировать нашу культурную идентичность по отношению к другим, то это из-за глобальной экономики, постоянно расширяющегося капитализма или чего-то еще? Если космодернизм объединяет нас, значит ли это, что постмодернизм нас разлучил? И если космодернизм не просто дополняет постмодернизм, как утверждает Морару, то почему 1989 г. так важен для периодизации современности? Почему разрушенная Берлинская стена так важна для современной американской художественной литературы, особенно когда литературные примеры Морару относятся к работам авторов, чьи идеи вряд ли можно отнести к окончанию холодной войны? А как насчет недавнего глобального экономического кризиса? И не будет ли справедливым сказать, что эпохальный год для американской художественной литературы — это в самом деле 2001 г.? (Mraovic-O'Hare, 2012). Отдельно Дамьяна Мраович-О'Хара отмечает, что в отличие от Морару подход Филипа Уэгнера в книге «Жизнь между двумя смертями. 1989–2001» (Wegner, 2009) кажется более основательным.

Это очень важно, потому что не раз упоминаемый Брайн Макхейл точно так же сравнивает идеи Морару и Уэгнера, отдавая приоритет подходу последнего. Филипп Уэгнер, интерпретируя американское кино, телевидение и художественную литературу, показывает, что в период между падением Берлинской стены в ноябре 1989 г. и террористическими атаками 11 сентября 2001 г. сформировалось новое уникальное сознание. Уэгнер утверждает, что 11 сентября следует понимать как то, что психоаналитик Жак Лакан назвал «второй смертью» — событием, повторяющим падением Берлинской стены. Описывая 9/11 как «вторую смерть» 1989 г., Уэгнер утверждает, что только после падения башен-близнецов символическая вселенная холодной войны окончательно исчезла, и вместо нее возник «новый мировой порядок». Этот новый момент предоставлял большие исторические возможности, которые, однако, были упущены в разгар «войны с терроризмом». Макхейл отмечает, что рассказ Морару о «космодернистском повороте» после 1989 г., без сомнения, слишком оптимистичен и даже являет собой эйфорию, т. е. слишком уж удобный. Однако идея Морару, по мнению Макхейла, чересчур тесно пересекается с неоднозначными заявлениями Френсиса Фукуямы, будто история закончилась триумфом Запада и крахом единственного соперника капиталистической демократии, сделанными сперва перед ключевыми событиями 1989 г., а затем подтвержденными в 1992 г. (Фукуяма, 1990, 2005). Вместе с тем в 1990-х история упорно отказывалась завершаться в Югославии и в других местах, пока не вернулась к жизни с удвоенной силой после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, округ Колумбия, 11 сентября 2001 г. Макхейл отмечает, что возвра-

щение истории 9/11 после ее предполагаемого завершения после 1989 г. следует искать в другом понимании культуры 1990-х.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позицией Макхейла можно закончить эту статью. Так, он соглашается, что «долгие девяностые» — фаза между символическими переломными моментами 1989 и 2001 гг. — представляют собой своего рода междуцарствие, «пространство между двумя смертями», и цитирует другого исследователя: «1990-е годы — странное пространство между окончанием (Холодной войны) и началом (нашего мира после 11 сентября). <...> Это пространство, расположенное между реальным событием и его символическим повторением, строго говоря, “неисторическое”, и такое “пустое пространство” переживается в живой реальности... С одной стороны, это похоже на момент “ужасных чудовищ”, преследующих живое мертвое прошлое. Тем не менее оно также переживается как момент “возвышенно прекрасного”, открытости и нестабильности, экспериментов и возможностей, конфликтов и отсутствия безопасности — иными словами, место, в котором история может двигаться в совершенно разных направлениях» (Wegner, 2009; цит. по McNale, 2015: 124).

Одним словом, концепция Уэгнера кажется и Макхейлу, и Мраович-О’Харе куда более эвристической. Это неудивительно. Крайне важно, что Уэгнер выигрывает за счет того, что работает с действительно популярной культурой — кроме американских писателей Дона Делилло и Джо Холдемана это также и такие фильмы, как «Терминатор», «Мыс Страх», «День Независимости» и «Бойцовский клуб», а кроме них — телесериал «Баффи, истребительница вампиров». Таким образом, вариант постпостмодернизма, именуемый космодернизмом/планетаризмом, оказывается даже слабее постмодернизма, если вообще его худшим вариантом — устаревшим и не учитывающим то, что должен, — культуру в ее самом широком понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасов, Н. Б. (2019) Образы современности в XXI веке: планетаризм Кристиана Мора-ру // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 3. № 1. С. 299–314.
- Блум, Г. (2017) *Западный канон. Книги и школа всех времен*. М. : Новое литературное обозрение. 672 с.
- Бутенина, Е. М. (2015) «Реинкарнации» русских классиков в современном романе США // *Известия Восточного института*. № 4 (28). С. 68–74.
- Джеймисон, Ф. (2019) *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М. : Издательство Института Гайдара. 808 с.
- Латур, Б. (2018) *Политики природы. Как привить наукам демократию*. М. : Ad Marginem Press. 336 с.
- Липовецки, Ж. (2001) *Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме*. СПб. : Владимир Даль. 336 с.
- Моретти, Ф. (2016) *Дальнее чтение*. М. : Издательство Института Гайдара. 352 с.
- Павлов, А. В. (2018) Патриотизм: социально-философский подход // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 83–94. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.8
- Урри, Дж. (2018) *Как выглядит будущее?* М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.
- Фукуяма, Ф. (1990) *Конец истории?* // *Вопросы философии*. № 3. С. 134–148.
- Фукуяма, Ф. (2005) *Конец истории и последний человек*. М. : АСТ. 592 с.
- Харви, Д. (2007) *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*. М. : Поколение. 288 с.
- Akker, R. van den (2013) *Whatever Works* // *American Book Review*. Vol. 34. № 4. P. 15–30.

- Akker, R. van den, Vermeulen, T. (2017) *Periodising the 2000s, or, the Emergence of Metamodernism // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham : Rowman & Littlefield. 260 p. P. 1–20.
- Appiah, A. K. (2001) *Cosmopolitan Reading // Cosmopolitan Geographies: New Locations in Literature and Culture* / Dharwadkar V. (ed.). New York : Routledge. 224 p. P. 197–228.
- Elias, A. J. (2013) *Tense and Sensibility // American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 7–8.
- Elias, A. J. (2015) *The Commons... and Digital Planetaryity // The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p. P. 37–69.
- Elias, A. J., Moraru, C. (2015a) *Introduction: The Planetary Condition // The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p. P. XXI–XXXVII.
- Elias, A. J., Moraru, C. (eds.) (2015b) *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p.
- Eshelman, R. (2013) *Performing the Post-Postmodern // American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 14–15.
- Eshelman, R. (2015) *Archetypologies of the Human: Planetary Performatism, Cinematic Relationality, and I?rritu's Babel // The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p. P. 89–106.
- Gibbons, A. (2013) *Profit over History // American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 11.
- Hutcheon, L. (1988) *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York : Routledge. 284 p.
- Kirby, A. (2013) *Digimodern Textual Endlessness // American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 12.
- Kirby, A. (2015) *The Possibility of Cyber-Placelessness: Digimodernism on a Planetary Platform // The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p. P. 71–88.
- McHale, B. (2015) *The Cambridge Introduction to Postmodernism*. Cambridge : Cambridge University Press. 256 p.
- Moraru, C. (2001) *Rewriting: Postmodern Narrative and Cultural Critique in the Age of Cloning*. Albany : SUNY Press. 248 p.
- Moraru, C. (2005) *Memorious Discourse: Reprise and Representation in Postmodernism*. Madison : Fairleigh Dickinson University Press. 282 p.
- Moraru, C. (2011) *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Ann Arbor : University of Michigan Press. 440 p.
- Moraru, C. (2013) *Introduction to Focus: Thirteen Ways of Passing Postmodernism // American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 3–4.
- Moraru, C. (2015a) *Decompressing Culture: Three Steps toward a Geomethodology // The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois : Northwestern University Press. 312 p. P. 211–244.
- Moraru, C. (2015b) *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor, MI : Michigan University Press. 256 p.
- Moraru, C. (ed.) (2009) *Postcommunism, Postmodernism, and the Global Imagination*. New York : Columbia University Press. 200 p.
- Mraovic-O'Hare, D. (2012) *Moraru's Cosmodernism // Postmodern Culture*. Vol. 22. №2. P. 53–59.
- Nealon, J. T. (2012) *Post-postmodernism, or, The logic of just-in-time capitalism*. Stanford : Stanford University Press. 241 p.
- Nicolescu, B. (2014) *From Modernity to Cosmodernity. Science, Culture and Spirituality*. Albany : State University of New York Press. 282 p.
- Randall, A. (2004) *Pushkin and the Queen of Spades*. New York : Houghton Mifflin. 294 p.

- Spivak, G. C. (2003) *Death of a Discipline*. New York : Columbia University Press. 136 p.
- Vermeulen, T. (2013) *Metamodernist Affect* // *American Book Review*. Vol. 34. №4. P. 8–9.
- Wegner, P. E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989–2001: U. S. Culture in the Long Nineties*. Durham : Duke University Press. 296 p.

Дата поступления: 16.03.2019 г.

IMAGES OF MODERNITY IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: COSMODERNISM

N. B. AFANASOV, A. V. PAVLOV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article discusses one of the latest attempts to “rewrite” postmodernism, known as «cosmodernism», that was undertaken by the American philosopher Cristian Moraru. The authors reconstruct the discussion on the necessity to build a new philosophical project to replace Fredric Jameson’s postmodernism, on which was based Moraru’s philosophical work. The article offers a historical-philosophical reconstruction of the theory of cosmodernism in its relation to the disputes around post-postmodernism at the beginning of the 21st century. Also the paper clarifies the relationship between the concepts of “cosmodernism” and “planetarism”, which are the historical names of one project.

A critical review of the concept of cosmodernism/planetarism describes the methodology of Moraru that consists mainly of the analysis of literary works from the mid-19th century to the present day, which demonstrate, according to the philosopher, the most representative features of modernity. The analysis of the theory and its comparison to competing social-philosophical projects, such as digimodernism and metamodernism, reveals the most interesting for the actual social philosophy sides of cosmodernism: an indication of the blurring of subject-object boundaries in modernity, the analysis of the phenomenon of netovisation of spaces and objects, rethinking the nature of the completing globalization, the prospects of the secularization of the discrete world to the cultural concept of the planet. The weak point of Moraru’s philosophical work is the concentration exclusively on avant-garde literature, which limits the author’s ability to work with the empirical material of modernity and weakens the position of his theory in comparison to other projects.

Keywords: cosmodernism; planetarism; Cristian Moraru; postmodernism; post-postmodernism; social philosophy; philosophy of culture

REFERENCES

- Afanasov, N. B. (2019) *Obrazy sovremennosti v XXI veke: planetarizm Cristiana Moraru. Filosofiya. Zburnal vysshoi shkoly ekonomiki*. Vol. 3, no. 1, pp. 299–314. (In Russ.).
- Bloom, H. (2017) *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vsekh vremen*. Moscow, New Literary Observer. 672 p. (In Russ.).
- Butenina, E. M. (2015) “Reinkarnatsiya” russkikh klassikov v sovremennom romane USA. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, no. 4 (28), pp. 68–74. (In Russ.).
- Jameson, F. (2019) *Postmodernizm, ili Kul’turnaya logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, Gaidar Institute Press. 808 p. (In Russ.).
- Latour, B. (2018) *Politiki prirody. Kak privit’ naukam demokratiyu*. Moscow, Ad Marginem Press. 336 p. (In Russ.).
- Lipovetsky, G. (2001) *Era pustoty. Ecce o sovremennom individualizme*. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ. 336 p. (In Russ.).
- Moretti, F. (2016) *Dal’nee chtenie*. Moscow, Gaidar Institute Press. 352 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2018) Patriotizm: sotsial’no-filosofsky podkhod. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 83–94. (In Russ.).
- Urry, J. (2018) *Kak vyglyadit budushchee?* Moscow, Delo Publishing House. 320 p. (In Russ.).
- Fukuyama, F. (1990) *Konetz istorii? Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 134–148. (In Russ.).
- Fukuyama, F. (2005) *Konetz istorii I posledniy chelovek*. Moscow, Ast Publ. 592 p. (In Russ.).
- Harvey, D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual’noe prochnenie*. Moscow, Pokolenie. 288 p. (In Russ.).

- Akker, R. van den (2013) Whatever Works. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 15–30.
- Akker, R. van den and Vermeulen, T. (2017) Periodising the 2000s, or, the Emergence of Metamodernism. In: *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. R. Van den Akker, A. Gibbons and T. Vermeulen (eds). Lanham, Rowman & Littlefield. 260 p. Pp. 1–20.
- Appiah, A. K. (2001) Cosmopolitan Reading. In: *Cosmopolitan Geographies: New Locations in Literature and Culture*. Dharwadker V. (ed.). New York, Routledge. 224 p. Pp. 197–228.
- Elias, A. J. (2013) Tense and Sensibility. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 7–8.
- Elias, A. J. (2015) The Commons ... and Digital Planetaryity. In: *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century* / Elias A. J., Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312 p. P. 37–69.
- Elias, A. J. and Moraru, C. (2015a) Introduction: The Planetary Condition. In: *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Elias A. J. and Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312 p. Pp. xxi-xxxvii.
- Elias, A. J. and Moraru, C. (eds.) (2015b) *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312 p.
- Eshelman, R. (2013) Performing the Post-Postmodern. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 14–15.
- Eshelman, R. (2015) Archetypologies of the Human: Planetary Performatism, Cinematic Relationality, and Iñárritu's *Babel*. In: *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Elias A. J. and Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312p. Pp. 89–106.
- Gibbons, A. (2013) Profit over History. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 11.
- Hutcheon, L. (1988) *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York, Routledge, 1988. 284 p.
- Kirby, A. (2013) Digimodern Textual Endlessness. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 12.
- Kirby, A. (2015) The Possibility of Cyber-Placelessness: Digimodernism on a Planetary Platform. In: *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Elias A. J. and Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312p. Pp. 71–88.
- McHale, B. (2015) *The Cambridge Introduction to Postmodernism*. Cambridge, Cambridge University Press. 256 p.
- Moraru, C. (2001) *Rewriting: Postmodern Narrative and Cultural Critique in the Age of Cloning*. Albany, SUNY Press. 248 p.
- Moraru, C. (2005) *Memorious Discourse: Reprise and Representation in Postmodernism*. Madison, Fairleigh Dickinson University Press. 282 p.
- Moraru, C. (2011) *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Ann Arbor, University of Michigan Press. 440p.
- Moraru, C. (2013) Introduction to Focus: Thirteen Ways of Passing Postmodernism. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 3–4.
- Moraru, C. (2015a) Decompressing Culture: Three Steps toward a Geomethodology. In: *The Planetary Turn. Relationality and Geoaesthetics in the Twenty-First Century*. Elias A. J. and Moraru C. (eds.). Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 312p. P. 211–244.
- Moraru, C. (2015b) *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor, MI, Michigan University Press. 256 p.
- Moraru, C. (ed.) (2009) *Postcommunism, Postmodernism, and the Global Imagination*. New York, Columbia University Press. 200 p.
- Mraovic-O'Hare, D. (2012) Moraru's Cosmodernism. *Postmodern Culture*, 2012, vol. 22, no. 2, pp. 53–59.
- Nealon, J. T. (2012) *Post-postmodernism, or, The logic of just-in-time capitalism*. Stanford, Stanford University Press. 241 p.
- Nicolescu, B. (2014) *From Modernity to Cosmodernity. Science, Culture and Spirituality*. Albany, State University of New York Press. 282 p.

- Randall, A. (2004) *Pusbkin and the Queen of Spades*. New York, Houghton Mifflin. 294 p.
- Spivak, G. C. (2003) *Death of a Discipline*. New York, Columbia University Press. 136 p.
- Vermeulen, T. (2013) Metamodernist Affect. *American Book Review*, vol. 34, no. 4, pp. 8–9.
- Wegner, P. E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989-2001: U.S. Culture in the Long Nineties*. Durham, Duke University Press. 296 p.

Submission date: 19.03.2019.

Афанасов Николай Борисович — младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: n.afanasov@gmail.com

Павлов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: ale-pavlov@yandex.ru

Afanasov Nikolay Borisovich, Junior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: n.afanasov@gmail.com

Pavlov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Law, Leading Research Fellow, Head, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: ale-pavlov@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.5

Элитаристский дискурс справедливости: современные концепции и Россия

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье на примере концепций двух влиятельных авторов второй половины XX в. — социологов Майкла Янга и Дэниела Белла — анализируется идея меритократии — власти наиболее достойных, наиболее заслуженных.

Рассматриваются основные идеи знаменитой книги (антиутопии) М. Янга «Возвышение меритократии». Охарактеризованы основные этапы становления меритократического общества в антиутопии Янга. Показано, что основная проблема меритократии в изображении британского социолога — ее морально-этические изъяны, которые приводят в результате к классовому конфликту, последующему кризису и падению меритократии. С точки зрения автора статьи, более привлекательным выглядит социальный идеал, описанный Янгом, в рамках которого «общество талантов» понимается не как сугубо технократическое, а как подлинное общество равных возможностей.

Показано, что Д. Белл считает меритократию неотъемлемым атрибутом постиндустриального общества, однако учитывает критику этой идеи в работах М. Янга и Д. Ролза. Поэтому подлинная меритократия у Белла — это «справедливая меритократия», сочетающая равное уважение всех с отличием некоторых (наиболее достойных).

Изучены взгляды на проблему меритократии в современной России. Автор опирается главным образом на анализ российской ситуации у отечественного элитолога Г. К. Ашина. Он показывает, что элитные трансформации в постсоветской России, значительно изменив некоторые важные характеристики элиты, не изменили главного — ее морального облика.